УДК 930.1
DOI: 10.51255/2311-603X_2021_2_167

**Д. П. Исаев**

# К спорам о классической и неклассической истории (концепция историописания В. Вжосека)

Имя Войцеха Вжосека, польского специалиста по эпистемологии истории, ученика Е. Топольского, хорошо известно современному российскому историку-теоретику. Начиная со статьи 1991 г. об историографии как игре метафор, опубликованной в «Одиссее» А. Я. Гуревича, исследователь в течение последующих десятилетий прочно закрепился в русскоязычном историко-гносеологическом дискурсе[1]. В частности, В. Вжосек входит в редакционные советы таких авторитетных периодических изданий, как «Одиссей», «Диалог со временем». В 2012 г. на русском языке вышла его книга с двумя монографиями: «История — Культура — Метафора: рождение неклассической историографии» и «Об историческом мышлении» (в 2019 г. — 2-е изд.). В них были аккумулированы взгляды автора о метафорической природе исторического познания и становлении модернистской исторической науки[2].

В целом, В. Вжосеком в совокупности работ был предложен нетривиальный взгляд на процесс эволюции истории в XX в., провоцирующий на дальнейшие размышления. В данной статье мы постараемся адекватно описать (что предполагает обильное цитирование) и в дискуссионном формате обсудить ключевые положения его концепции, связанные с проблемой перехода от классической к неклассической науке, в частности с рождением модернистской историографии. Соответственно, необходимый ракурс

анализа задает вопрос о субъект-объектных взаимоотношениях, к особенностям которых в той или иной парадигме исторического исследования мы и обратимся.

В центре рассуждений В. Вжосека лежит идея метафорической природы исторического мышления. Как теоретик эпохи постклассики, автор исходит из общепринятого убеждения, что познание возможно лишь в рамках тех категорий, которые принадлежат современной ему культуре: «Мир и мышление о нем погружены в то, что по своему происхождению человечно, а значит... окультурено»[3]. Поскольку историк находится внутри определенной культуры, а объект исследования также представляет культуру, то сам процесс познания является через отношение культуры к другой культуре, или культурной импутации (*англ.* imput — вход). По словам ученого, «минимальной познавательной импутацией, осуществляемой нашей культурой в отношении другой культуры, является импутация логики, заключенной в языке антично-западноевропейских культур»[4]. Причем процедуру импутации сопровождает процесс антропоморфизации, т.е. «очеловечивания» окружающего мира, что есть также базовый стереотип мышления.

Получаемые репрезентации, образы мира реализуются через определенные метафоры, имеющие фундаментальный характер. Согласно В. Вжосеку, метафора является понятийным эквивалентом архетипов, символических парадигм, базовой идеей и категорией мышления. Для исторической науки он вводит понятие историографической метафоры, упорядочивающей образы исторического мира[5]. Немаловажно, что метафоризация сообщает познанию имманентную тенденциозность. По словам автора, «не удастся избежать собственную культуру, ее актуальное состояние, уйти в мир за ее границы... Не удастся заниматься историей, не признавая фундаментальных метафор, конституирующих ее идентичность... Следовательно, не удастся абстрагироваться от культурной и метафорической тенденциозности исторического дискурса»[6]. Соответственно, со сменой научных парадигм обновляется и набор метафор.

Базовые историографические метафоры получили свое воплощение в классической историографии. К ним исследователь относит идеи генезиса и изменения (движения, развития и т.д.), которые, в свою очередь, окружены иными соответствующими метафорами, конституируя, таким образом, тип исторического мышления. Заметим, что их сущностные характеристики отсылают читателя к более привычному понятию «историзм», которого, однако, автор не употребляет. Так, генезис предполагает становление, перемену, а также казуальную связь. С другой стороны, не без влияния аналитической философии Вжосек переводит анализ в лингвистическую плоскость, говоря о классической исторической наррации, которую понимает как «генетически связанную плеяду предложений», где «в каждом фрагменте исторической наррации мы имеем дело с какой-то фазой генерирования»[7].

Субъекта, генерирующего историю в классической историографии, ученый называет «индивидуальным субъектом действия» (далее — ИСД). Данный конструкт необходим исследователю для того, чтобы показать антропоморфный характер «генетического» мышления «классического историка». По словам В. Вжосека, «им может быть конкретный человек из крови и костей, неанонимный образ, обычно исполняющий выразительную историческую роль: монарх, вождь, законодатель, религиозный реформатор, политик и т. д. <...> им может быть также такая действующая индивидуальность... как Франция, народные массы, знать, французское правительство, Мировой банк, Лига наций и т. п. Все эти субъекты, и в том числе такие, как Бог или боги, воспринимаются историками по аналогии с человеческой индивидуальностью»[8].

Данная метафора позволяет автору указать на характерную черту классической науки, ее способ нарративизации истории. Дело в том, что ИСД как определенная целостность *генерирует* исторические события. А поскольку классическая историография является по преимуществу, в оценке Вжосека, событийной, то мы здесь сталкиваемся с *субъектным* анализом. Это означает, что история объясняется посредством замыслов ИСД: «Конкретные мотивации, интенции субъектов становятся источником смыслов поступков или их последствий». Таким образом, нарратив выстраивает причинно-следственную цепочку из обстоятельств, действий ИСД и их последствий в виде исторических событий, где «рациональные субъекты несут ответственность за историосозидающие акты»[9]. Результатом подобного мышления для историка является как бы принудительное погружение «в системы ценностей ИСД». Как указывает автор, «в ходе интерпретации историк приписывает им признание определенных ценностей, то есть целей и методов, которые, по его мнению, они себе ставили, и выборов и дилемм, перед которыми они оказывались». Мы ниже вернемся к данному суждению, а пока констатируем, что все это позволило Вжосеку охарактеризовать классическую историографию как «тотальную гуманитарную науку», которая гуманизирует даже нечеловеческие исторические существа[10].

Обобщенный образ классической, или традиционной историографии у автора получается следующим. Она безусловно являлась/является идиографичной, фактографичной, хроникерской и событийной. Классические историки занимаются описанием генетически связанных фактов, реализованных в области политики, культуры. К примеру, это история династий, войн и т. д. Поскольку «субъект истории» содержит в самом себе генезис, генерирует исторические события, выступая единственной «инстанцией», исторический анализ превращается в выстраивание причинно-следственных цепочек. Поэтому традиционная историография «оперирует линейным временем, вносит триаду хронологических параметров: прошлое (исполнитель) — современность (акт деятельности) — будущее (результат деятельности)»[11]. Данная история применяет перспективу прямой антропоморфизации, видя истоки в «творцах»

событий, которыми выступают боги, правители, полководцы, а также империи, народы, государства как ИСД. Следовательно, она занимается интерпретацией поступков людей, т. е. касается индивидуальной реальности. По словам В. Вжосека, «классический историк политических деяний принужден погружаться в реконструкцию мотиваций действующих субъектов, в воссоздание их убеждений и ценностей, которые могли сопровождать и освещать данный действующий субъект». Причем погружается в этот мир ценностей, «не только когда интерпретирует действия людей из крови и костей, но и когда интерпретирует мир ценностей ИСД, которые людьми не являются, тем не менее благодаря их антропоморфизации они впутаны в человеческие или квазичеловеческие ценности»[12]. Отсюда в классическом нарративе мир представлен гуманизированным, а сама наука — гуманитарной.

По нашему мнению, к предложенному образу классической историографии могут быть поставлены определенные вопросы. К сожалению, в работе не обозначены хронологические рамки существования данного типа исторического мышления. Это несколько затрудняет идентификацию собственно научной классической истории в такой интерпретации, поскольку очевидно, что история войн, полководцев имеет весьма глубокую традицию, ведущую корни с древности, когда господствовал культ героев. И несмотря на то что классическая рациональность сопровождала историю еще с античных времен, представляется, что классическая историография имеет более сложный облик.

Если мы принимаем соответствующий язык описания науки (классическая/неклассическая), то начнем с того, что становление истории как науки вплоть до конца XIX в. велось по логике естественно-научных дисциплин. По традиции будем считать политическую историю типичным образцом событийной классической историографии. Однако данным направлением пространство истории не ограничивалось. Иначе говоря, образ классической историографии складывался не только из традиционной политической истории. Для нас более важно, что такая история идентифицируется прежде всего как «законоутверждающая» наука об объективной, «измеряемой» исторической реальности. Дело в том, что характерный для научного дискурса той эпохи универсализм мышления ставил сверхзадачу определения логики исторического процесса, а значит, и установления исторических законов, по аналогии с законосообразностью природных явлений. Отсюда объектом познания классической истории являлась надындивидуальная, внеположенная человеческому сознанию историческая реальность, выступавшая коррелятом самому понятию закономерности. Наиболее наглядным образом это проявилось в многоликом влиянии позитивизма на историческую науку, которое мы рассматриваем также в рамках классического этапа. Социологизм и теоретизм научного дискурса привели к «приоритету “мертвых” форм социальных связей перед “живыми” коммуникациями, склонности к всестороннему социальному проектированию, стремлению к предельной точности и отчетливости научных понятий»[13]. Таким

образом, классическая история в качестве предмета исследования включала и социальную сферу, правда, без осознания социальной реальности как специфичной по сравнению с природной.

«Генетическая», по Вжосеку, классическая историография отсылает нас к не упоминаемому в монографиях польского ученого принципу историзма. Справедливости ради необходимо сказать, что историзм, коль скоро признает некоторую «уникальность» события в историческом контексте, предлагает смотреть на них, в том числе, глазами современников. Но значит ли это, что мы имеем дело с той индивидуальной реальностью, миром людей прошлого, о которых говорит уважаемый автор? Думается, что нет. Объективизм классического мышления ориентировал на когнитивную стратегию рационального объяснения, «внеисторического» разума, что приводило к исключению всякой субъективности в познании. По словам А. В. Лубского, это достигалось «путем "свободы от ценностей" и превращения изучаемых жизненных практик в "мертвый" корпус исторических фактов, которые рассматривались как "вещи", изолированные от того "живого" исторического контекста, в котором они реально существовали»[14]. Фактически классическая парадигма исключала внимание к прошлой индивидуальной реальности в силу того, что не осознавала ее специфичности. Конечно, классические историки пытались объяснить мотивации людей прошлого в определенных ситуациях. Однако по сути это была квазииндивидуализирующая практика, поскольку объяснения строились, как правило, с точки зрения здравого смысла. Так называемая «эпистемологическая купюра», т. е. отказ от следования подсказкам обыденного сознания в ходе анализа, появляется позже, вместе с конструктивистской логикой неклассической рациональности[15]. Поэтому мир ценностей субъектов истории для классической науки оказывался попросту недостижимым. С проектом аксиологического анализа исторической действительности выступили уже неокантианцы. В частности, А. С. Лаппо-Данилевский выступил с методологическим требованием: «сам историк не устанавливает ценности целей и не обосновывает ее, а принимает их за ценные, поскольку ценность их уже дана в сознании людей, действующих из-за их достижения»[16]. Причем от «субъективно-индивидуальной оценки» историка должно было «защищать» признание «чужой одушевленности», т. е. сознания, которое в классической парадигме было редуцировано. Это обстоятельство делает один из основных тезисов В. Вжосека уязвимым для критики.

Особое внимание в своих работах исследователь уделяет зарождению и развитию неклассической, или модернистской историографии. Ею является «новая историческая наука», начавшаяся со школы Анналов и доминировавшая с 1920-х до 1970-х гг. Точнее сказать, модернизм здесь выступает как одно из двух направлений неклассической науки, выступивших против традиционной событийной истории. Второе же направление представляет историческая антропология. Полагаем, что само обозначение науки как «модернистской» в интерпретации автора мы можем понимать прежде всего как «современной»

с очевидной коннотацией «новая»[17]. Не случайно поэтому историческую антропологию Вжосек называет немодернистской или даже антимодернистской, поскольку та сохраняет в определенной степени «гуманитарные» традиции классической историографии. Рассмотрим их по порядку.

Отталкиваясь от творчества М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя и др., историограф предлагает свою интерпретацию модернистской науки, которая заслуживает пристального внимания, в том числе из-за того, как здесь показан неклассический тип исторического мышления. Естественным образом понят он может быть в сравнении с рассмотренной выше классической историографией. Необходимо заметить, что, конструируя данный образ «новой истории», Вжосек вынужден представить взгляды указанных историков в определенном единстве, что создает для автора некоторые трудности, к которым мы позднее вернемся.

Итак, «новая наука» расширяет область исследования истории. В поле зрения историков попадают экономические феномены, географическая среда, повседневность, социальная жизнь во всех ее проявлениях. Как пишет Вжосек, «вместо событий, атомов традиционной истории, предметом исследований новой истории стали социальные феномены, ряды и серии данных, повторяемые феномены, процессы, устойчивые структуры»[18]. Причем все это изучаемое пространство понималось целостно, во взаимосвязи всех компонентов. Иначе говоря, объектом становится «не элемент, а единство». Событие как таковое «становится чем-то не заслуживающим внимания». Новая стратегия меняет и «письмо» историка от истории-рассказа к истории-проблеме. Едва ли не важнейшее следствие изменения исследовательской оптики, по Вжосеку – из истории исчезает человек, который «перестает быть актором истории, так как нет мира событий, творцом которых он мог бы быть»[19]. Объектом анализа становится надличностная реальность, которая требует других методологических подходов.

Соответственно, модернистская историография отказывается от стратегии непосредственной антропоморфизации исследуемого мира. Становясь аксиологически нейтральной, в отличие от классической науки неклассическая от «переживания» действительности переходит к ее реконструкции, что позволяет ученому называть новую историю также *сциентистской*[20]. Конечно, она остается наукой о человеке. Только реконструктивная логика ориентирует модернистов на познание человека «сверху», поскольку «глобальный мир переплетенных между собой феноменов создает лучшую основу для исторического понимания феномена человека». По словам автора, для реализации стратегии «сверху» «нужно заменить классические метафоры холистскими, антииндивидуалистическими, надындивидуальными»[21]. Для исследования надындивидуальной реальности историком-модернистом применяется «объективизирующая интерпретация». То есть «исследователь абстрагируется от интенций деятеля и ограничивается анализом так называемых объективных следствий

деятельности»[22]. Важно отметить, что подобная объективность достигается обращением к «внесознательному» миру. И здесь мы подходим к одному из самых дискуссионных положений в концепции В. Вжосека, который отказывает модернистской истории во внимании к сфере сознания. О чем идет речь?

Пик успеха новой истории, по мнению исследователя, приходится на время активности Ф. Броделя. И, что немаловажно, автор именно через его творчество пытается дать обобщенный образ модернистской историографии. Так, виднейший представитель 2-го поколения Анналов рассматривал историческую действительность как функционально организованную систему. Из чего, в частности, органично следовал вывод, что «социальные процессы являются результатом активности человека, однако не являются результатом их сознательного формирования», следовательно, «не воспринимаются как задуманные людьми»[23]. Данный взгляд обусловлен *процессуальным* восприятием истории. В. Вжосек объясняет это тем, что «процессы, структуры, тенденции, циклы, конъюнктуры — это положения дел, которые не обладают в их общепринятом понимании таким аспектом, как сознание... Наблюдаются только объективные (здесь: внесознательные) последствия деятельности»[24]. Иначе говоря, новая история не занимается изучением представлений людей о мире, их систем ценностей, потому что работает на другом, надличностном, надындивидуальном уровне социальной жизни (по Броделю, социального времени в противовес времени индивидуальному). Из этого следует парадоксальный вывод автора: в результате невозможности реконструкции сознания личности «от исследования ускользает не только мотивационная сфера личности, но и — что в каком-то смысле неожиданно — групповое сознание, коллективная ментальность, коллективные представления»[25]. Неожиданно это и для читателя, поскольку в другой монографии автора встречаем суждение, что объектом интереса для «новых» историков стали «системы мысли... ментальные структуры, коллективное сознание и тому подобные надындивидуальные черты прошлой мыслительной реальности»[26]. Объяснить такое разночтение можно исходя из разделения модернистской истории и исторической антропологии как разных направлений неклассической историографии в целом, так как антропология возвращает человека в историю. Однако в цитированном тексте такого уточнения нет.

С 1970-х гг. все большую популярность набирает историческая антропология, оттесняя модернистскую модель на периферию исторического знания. Являясь направлением неклассической науки с ее критикой позитивистской событийной историографии, антропология выступает и противницей модернистской истории, не соглашаясь «на описание мира под контролем метафор структурализма, функционализма, марксизма»[27]. В центр внимания помещается человек, однако не столько как творец событий (классическая парадигма), сколько как участник и носитель культуры. Соответственно, культурная интерпретация совершается в свете сознания, сопровождающего деятельность

субъекта. Как пишет В. Вжосек, здесь исследование сознания личности или группы людей «является соучастием в создании образа деятельного человека, попыткой понимания его усилий в сфере материальной... жизни, а также проникновением в сферу языка, обычаев, религиозности... Весь этот мыслительный контекст незаменим, чтобы раскрыть смысл поведения людей»[28].

Таким образом, «новую историческую науку» В. Вжосек предложил рассматривать в контексте соперничества модернистских и немодернистских течений. Причем, как нам представляется, автор имплицитно предпочитает модернистскую науку антропологии, в частности потому что в последней до сих пор не решена «проблема синтезирования в наррации того, что личностно и индивидуально, с тем, что антииндивидуально, надличностно»[29]. Тем самым ограничиваются возможности исторического синтеза. Однако, как кажется, в авторском решении вопроса о том, что объединяет, а что разъединяет модернистскую историю и антропологию, существуют определенные противоречия, вытекающие из специфичного осмысления понятия «неклассического» познания. Присмотримся внимательнее.

Новая парадигма закономерно противостоит основным положениям предшествующей модели постижения мира. В рассмотренной концепции неклассического исторического мышления историю-повествование сменяет история-проблема, т.е. собственно, исследование, опирающееся на процессуальный, функциональный анализ. Сциентизм свидетельствует о преодолении субъективности. Новая история как объект теряет «человеческое» измерение и как целостность выступает в виде надындивидуальной реальности. Полагаем, что при всех дискуссионных научных вопросах относительно разграничения классики и неклассики подобная интерпретация расходится с общепринятыми положениями относительно характера неклассической рациональности в целом и неклассической науки в частности.

Так, формирование нового, неклассического типа мышления (с конца XIX в.) было связано с кризисом идеи всемогущего разума, выступавшего в процессе познания в виде «чистого» субъекта. Признание его «духовной», культурной отягощенности привело к актуализации в философской и научной рефлексии таких категорий, как «жизнь», «сознание». Как пишет В. С. Степин, в новой рациональности «сознание, постигающее действительность, постоянно наталкивается на ситуации своей погруженности в саму эту действительность, ощущая свою зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации»[30]. В результате происходит и перестройка субъект-объектных отношений в данном процессе в сторону его субъективизации. Идет обоснование иных, в том числе внелогических, релятивистских инструментов познания, среди которых можно назвать интуицию, переживание, понимание[31]. Таким образом, ставится задача внедрения в научную картину мира сознательных и жизненных явлений[32]. Собственно, появление социальных наук в то время объясняется «откры-

тием» социальной реальности как отличной от материального мира, где сознание также рассматривается как социальное явление[33].

Историческая наука не избежала подобных мировоззренческих сдвигов, испытав на рубеже XIX–XX вв. своего рода «эпистемологическую революцию»[34]. По словам А. В. Лубского, неклассическая история стала базироваться на принципе номинализма. Вместо детерминированной надындивидуальной реальности в центр внимания историков помещается индивидуальная реальность человека прошлого, мир повседневности и дорефлексивных форм обыденного сознания. Как предмет человек познается «таким, каков он по своей сути, т. е. в качестве деятельного, мыслящего и чувствующего субъекта, автора и актера жизненной драмы истории, собеседника, участника диалога между прошлым и будущим»[35] (обратим внимание, как удачно в приведенной цитате объединены К. Маркс с М. Бахтиным!). Историческое исследование превращается в «субъект-субъектное» отношение, подчеркивая тем самым диалогический характер познания. Поскольку историк имеет дело с «реальностью сознания», неизбежно присутствие аксиологического компонента в самом анализе.

Как видим, рассмотренная выше историческая антропология полностью удовлетворяет условиям неклассической парадигмы. Напротив, модернистская история абсолютно не сочетается с ее принципами. Налицо своеобразное понимание В. Вжосеком образов классической и неклассической истории. Так, событийная историография как одно из проявлений классической науки в данной концепции «поглощает» в целом более сложный феномен классического мышления. В свою очередь, неклассическая историография выступает ее полной противоположностью. В результате в предложенной авторской модели классические принципы холизма, объективизма, реализма и неклассические — индивидуализма, аксиологизма, номинализма — меняются местами. К примеру, изначально появившийся в лоне классической науки сциентизм автор относит к достижениям неклассической истории[36]. Если же мы полагаем, что индивидуализация, субъективизация познания была безусловно характерна не для классического, а именно для неклассического этапа эволюции науки, то будем испытывать трудности с артикуляцией «новой истории» школы Анналов в концепции Вжосека как неклассической. Думается, с этими трудностями столкнулся и сам автор. Не случайно поэтому ее основателей, М. Блока и Л. Февра, он одновременно относит и к модернистам (количественно-процессуальные исследования), и к антропологам (гуманитарные традиции)[37]. Конечно, творчество исследователей вряд ли целесообразно анализировать клишированным образом, поскольку его сопровождают неизбежные противоречия, эволюция взглядов и т. д. Однако в данном случае нам кажется необходимым более четко определить место классиков мировой историографии в указанной классификации.

Блок и Февр являются новаторами, поскольку они объявили историю наукой о человеке, причем о человеке в его социальных связях, и смогли убедительно это продемонстрировать. Л. Февра интересовали границы, возможности мысли

индивида в определенной культуре, эпохе. М. Блок рассматривал феномены человеческой жизни в их социальной обусловленности. Отсюда внимание к процессам, структурам, массовым явлениям. Однако их объединяло особое внимание к проблеме сознания и, главное, в недетерминистическом смысле. Как писал А. Я. Гуревич, согласно Февру, «общий характер мировосприятия, стиль жизни, языки культуры, ментальность, присущая данной человеческой общности, не зависят от социальных групп или индивидов, "заданы" им. И тем самым культура образует некую невидимую сферу, за пределы которой принадлежащие к ней люди не в состоянии выйти»[38]. Но при этом существуют какие-либо потенции, различные варианты поведения в рамках «системы», позволяющие говорить не об автоматизмах мышления, а именно о сознании человека. В подобном ключе высказывался и М. Блок, полагая, что сознание является компонентом социальных отношений, поэтому не только испытывает их влияние, но и оказывает обратное действие. «Ни перемены в технике, ни развитие классов и общественных групп, ни медленные и подспудные трансформации обычаев и права не происходят без участия мыслящих и чувствующих людей, поставленных в конкретные жизненные условия»[39], — интерпретирует его мысль А. Я. Гуревич. По существу, сам Блок достаточно прозрачно высказывался об истории, что «ее предмет, в точном и последнем смысле, — сознание людей. Отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании, — они-то и составляют для истории подлинную действительность»[40]. Если и можно говорить о «потере» человека в социальной целостности, массовых явлениях, коллективных представлениях, то для историка она оказывается временной, чтобы глубже воссоздать исторический контекст, в котором индивидуальные мотивации и обнаруживаются.

Конечно, вслед за В. Вжосеком можно усомниться, а действительно ли основатели Анналов, а вслед за ними и другие представители исторической антропологии уловили тот момент диалектической связи индивидуальной свободы воли с социальным или культурным окружением?! Тем не менее в вопросе о природе социального действия, в противовес суждению Ф. Броделя, нам ближе точка зрения М. Вебера, утверждавшего, что «социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других»[41]. Акцентируем здесь внимание на «смысле», т. е. осмысленности, и «ориентированности», предполагающей интенцию субъекта действия, что позволяет нам «сохранять» фактор сознания в функциональном анализе социальной системы.

Исходя из всего вышесказанного, мы вряд ли можем отнести двух историков к модернистской науке (в авторской интерпретации), которая игнорировала сферу представлений людей. Собственно, адекватно представил идеи Блока и Февра и сам В. Вжосек, отмечая в их творчестве внимание к проблемам социального сознания, ментальности. По выражению автора, «Марк Блок смотрит на средние века и феодализм глазами антрополога»[42], что обнажает явную противоречивость самой концепции и приводит к генеалогической путанице

относительно модернистской историографии. Поэтому Вжосек вынужден дезавуировать роль Блока и Февра в ее происхождении, говоря, в частности, что своим творчеством они вдохновляли историков-немодернистов[43].

Предпримем попытку деконструкции авторской логики построения сложного, оттого и противоречивого процесса рождения неклассической историографии. Образ модернистской историографии, предложенный В. Вжосеком, имеет место, но только по отношению к одному ее творцу — Ф. Броделю. Именно он построил модель научного познания, ориентированную на изучение систем надындивидуальной реальности. Ангажированность человека социальным пространством была им абсолютизирована. Это привело к тому, что человек и его сознание как бы исчезают из ткани истории. Однако Вжосек неявно распространил данные принципы и на первое поколение Анналов, чтобы сообщить целостность модернистской науке. Объяснить данное решение можно тем, что автор во главу угла поставил противопоставление традиционной событийной и новой процессуальной, тотальной истории. И, кстати говоря, здесь он не одинок. К примеру, так же оценивает смысл историографического поворота другой поклонник Броделя, К. А. А. Рохас: «...вместо того, чтобы изучать лишь великие личности, великие сражения и трактаты, составляющие "громкие" факты истории, историки-анналисты будут изучать цивилизации, экономические структуры и социальные классы...»[44] Но вряд ли оправданно при этом оттеснять на периферию «боев за историю» проблему сознания — своего рода маркер неклассической рациональности. Действительную точку в противостоянии классического и неклассического мышления следует искать в динамике субъект-объектных отношений, сближении миров субъективного и объективного. В этом смысле 1-е Анналы логично встраиваются в неклассическую парадигму с ее вниманием к индивидуальности, менталитету, ценностям и т. д. Что же касается Ф. Броделя, то солидаризируемся с А. Я. Гуревичем, полагавшим, что в плане методологии, научных традиций он вряд ли может считаться наследником Блока и Февра[45].

Говоря о метафорической природе знания, В. Вжосек рассматривает развитие историописания сквозь призму смены различных моделей постижения исторического мира, в основе которого стоит процесс так называемой его антропоморфизации, т. е. «очеловечивания». Для классического этапа была характерна непосредственная антропоморфизация, делавшая историографию «гуманитарной» наукой, в центре внимания которой стоял человек с его индивидуальными мотивами, целями и т. д. Неклассическая же историография, частично преодолевающая груз антропоморфизации (теперь — опосредованной), выступает уже не как событийная, а как процессуальная наука о надличностной действительности. Сосредоточение автора на логике смены истории-рассказа историей-проблемой приводит его к оригинальной, но односторонней трактовке специфики классического и неклассического этапов в развитии исторической науки. Классическая историография, получив «естественно-научный» заряд в XIX в., сформировала такой объект исследования, который исключал

влияние и интерес к любым проявлениям субъективности. Напротив, неклассическая наука через конструирование нового субъекта познания как эмпирического, культурно нагруженного, создает и соответствующий объект — социальную реальность, и в частности, реальность сознания, предполагающую отношение к индивидуальному. При создании своего образа модернистской историографии В. Вжосек отталкивается от концепции истории Ф. Броделя и распространяет его довольно жесткие антииндивидуалистические принципы на всю «новую историю», вряд ли оправданно оттесняя на научную периферию «человека» — главное завоевание школы Анналов. В такой интерпретации модернистская история, скорее всего, не может быть названа неклассической.

---

1 *Вжосек В.* 1) Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей. Человек в истории. 1991. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991; 2) Метаморфозы метафор. Неклассическая историография в кругу эпистемологии истории // Вопросы методологии. 1995. № 1–2; 3) Методология истории как теория и история исторического мышления // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011 и др.

2 *Вжосек В.* Культура и историческая истина. М.: Кругъ, 2012.

3 Там же. С. 23.

4 Там же. С. 28.

5 Там же. С. 167.

6 Там же. С. 194.

7 Там же. С. 169

8 Там же. С. 173.

9 Там же. С. 174.

10 Там же. С. 175.

11 Там же. С. 99.

12 Там же. С. 278.

13 *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. С. 98.

14 Там же. С. 98; *Сергейчик Е. М.* Философия истории. СПб.: Лань, 2002. С. 235.

15 См.: *Копосов Н. Е.* Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 269;

16 *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. М.: Территория, 2006. С. 195, 198.

17 О модернизме/современности см.: *Ле Гофф Ж.* История и память. М.: РОССПЭН, 2013. С. 56–75.

18 *Вжосек В.* Культура... С. 114.

19 Там же. С. 115.

20 Там же. С. 118, 120.

21 Там же. С. 120.

22 Там же. С. 116.

23 Там же. С. 85, 93.

24 Там же. С. 119.

25 Там же.

26 Там же. С. 199.

27 Там же. С. 125.

28 Там же. С. 133–134.

[29] Там же. С. 135.
[30] *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция, 2003. С. 626.
[31] *Сергейчик Е. М.* Философия истории. С. 432.
[32] *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. С. 9.
[33] *Кокосов Н. Е.* Как думают историки. С. 194–198.
[34] *Орлов И. Б.* «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 73.
[35] *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования. С. 134.
[36] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 475–477.
[37] *Вжосек В.* Культура... С. 121.
[38] *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 66.
[39] Там же. С. 117.
[40] *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка. М.: Наука, 1973. С. 83.
[41] *Вебер М.* Избранное: протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2006. С. 469.
[42] *Вжосек В.* Культура... С. 126.
[43] Там же. С. 124.
[44] *Рохас К. А. А.* Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. С. 53.
[45] *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». С. 41.

**References**

BLOK M. *Apologija istorii, ili Remeslo istorika.* [The apology of history, or The craft of the historian. In Russ.] Moscow: Nauka, 1973.

GUREVICH A. JA. *Istoricheskij sintez i Shkola "Annalov".* [Historical synthesis and the School of "Annals". In Russ.]. 2-e izd. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2014.

KOPOSOV N. E. *Kak dumajut istoriki.* [What do historians think. In Russ]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.

LAPPO-DANILEVSKIJ A. S. *Metodologija istorii.* [Methodology of history. In Russ.]. Moscow: Territoriya, 2006.

LE GOFF ZH. *Istorija i pamjat'.* [History and memory]. Moscow: ROSSPEN, 2013.

LUBSKIJ A. V. *Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovanija.* [Alternative models of historical research. In Russ]. Moscow: Sotsialno-gumanitarnye znaniya, 2005.

MAMARDASHVILI M. K. *Klassicheskij i neklassicheskij idealy racional'nosti.* [Classical and non-classical ideals of rationality. In Russ.]. St. Petersburg: Azbuka, 2010.

ORLOV I. B. "*Chelovek istoricheskij*" *v sisteme gumanitarnogo znanija.* ["Historical man" in the system of humanitarian knowledge. In Russ.]. Moscow: HSE Publ., 2012.

ROHAS K. A. A. I*storiografija v XX veke. Istorija i istoriki mezhdu 1848 i 2025 godami.* [Historiography in the 20th century. History and historians between 1848 and 2025. In Russ.]. Moscow: Krug, 2008.

SERGEJCHIK E. M. *Filosofija istorii.* [Philosophy of history. In Russ.]. St. Petersburg: Lan', 2002.

STEPIN V. S. *Teoreticheskoe znanie.* [Theoretical knowledge. In Russ.]. Moscow: Progress-traditsiya, 2003.

Teorija i metodologija istoricheskoj nauki. Terminologicheskij slovar'. [Theory and methodology of historical science. Terminology Dictionary. In Russ.] / Otv. red. A. O. Chybaryan. Moscow: Akvilon, 2014.

VZHOSEK V. *Istoriografija kak igra metafor: sud'by "novoj istoricheskoj nauki"* [Historiography as a game of metaphors: the fate of the "new historical science". In Russ.] // Odissej. Chelovek v istorii. 1991. S. 60–74.

VZHOSEK V. *Metamorfozy metafor. Neklassicheskaja istoriografija v krugu jepistemologii istorii* [Metamorphoses of metaphors. Non-classical historiography in the circle of epistemology of history. In Russ.] // Voprosy metodologii. 1995. N 1–2. S. 84–101.

VZHOSEK V. *Metodologija istorii kak teorija i istorija istoricheskogo myshlenija* [Methodology of history as a Theory and history of Historical Thinking. In Russ.] // Istoricheskaja nauka segodnja: Teorija, metody, perspektivy / Pod red. L. P. Repinoj. Moscow: Izd-vo LKI, 2011. S. 102–115.

VZHOSEK V. *Kul'tura i istoricheskaja istina.* [Culture and historical truth. In Russ]. Moscow: Krug, 2012.

WEBER M. *Izbrannoe: protestantskaja jetika i duh kapitalizma.* [Selected: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. In Russ.] 2-e izd. Moscow: ROSSPEN, 2006.

## ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**Д. П. Исаев. К спорам о классической и неклассической истории (концепция историописания В. Вжосека) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 167–181**

*Аннотация*: Статья посвящена анализу культурологической концепции развития исторического знания польского эпистемолога Войцеха Вжосека. Говоря о метафорической природе знания, ученый рассматривает развитие историописания сквозь призму смены различных моделей постижения исторического мира, в основе которого стоит процесс так называемой его антропоморфизации, т. е. «очеловечивания». По его мнению, для классического этапа была характерна непосредственная антропоморфизация, делавшая историографию «гуманитарной» наукой, в центре внимания которой стоял человек с его индивидуальными мотивами, целями и т. д. Неклассическая же историография, в оценке данного автора, частично преодолевает груз антропоморфизации (теперь — опосредованной) и выступает уже не как событийная, а как процессуальная наука о надличностной действительности. Представляется, что сосредоточение автора на логике смены истории-рассказа историей-проблемой приводит его к оригинальной, но односторонней трактовке специфики классического и неклассического этапов в развитии исторической науки. Необходимо учитывать, что классическая историография, получив «естественнонаучный» заряд в XIX в., сформировала такой объект исследования, который исключал влияние и интерес к любым проявлениям субъективности. В свою очередь, неклассическая история через конструирование нового субъекта познания как эмпирического, культурно и исторически нагруженного, создает соответствующий этому объект — социальную реальность, и в частности, реальность сознания, что предполагает отношение к индивидуальному. В статье отмечается, что при создании своего образа модернистской историографии В. Вжосек отталкивается от концепции истории Ф. Броделя и распространяет его антииндивидуалистические принципы на всю «новую историю», при этом вряд ли оправданно оттесняя на научную периферию «человека» — главное завоевание школы Анналов. Делается вывод, что в такой интерпретации модернистская история, скорее всего, не может быть названа неклассической.

***Ключевые слова***: В. Вжосек, историографическая метафора, антропоморфизация, индивидуальный субъект действия, событийная историография, неклассическая наука, модернистская историография, Ф. Бродель, историческая антропология, надындивидуальное в истории, сознание.

## FOR CITATION

**D. P. Isaev. On disputes about classical and non-classical history (V. Vzhosek's concept of historiography) // Petersburg historical journal, no. 2, 2021, pp. 167–181**

*Abstract*: The article is devoted to the analysis of the cultural concept of the historical knowledge's development, which was proposed by the Polish epistemologist Wojciech Wrzosek. Speaking about the metaphorical nature of knowledge, the scientist considers the development of historiography through the prism of changing different models of comprehension of the historical world, which is based on the process of so-called anthropomorphization, that is, "humanization". In his opinion, the classical stage was characterized by direct

anthropomorphization, which made historiography a "humanitarian" science, the focus of which was man with his individual motives, goals, etc. Non-classical historiography, in the estimation of this author, partially overcomes the burden of anthropomorphization (now – mediated) and acts not as an event, but as a procedural science of transpersonal reality. It seems that the author's focus on the logic of changing history-story by history-problem leads him to the original, but one-sided interpretation of the specifics of the classical and non-classical stages in the development of historical science. It should be borne in mind that classical historiography, having received a "natural science" charge in the 19th century, formed such an object of study, which excluded the influence and interest in any manifestations of subjectivity. In turn, non-classical history, through the construction of a new subject of knowledge as empirical, culturally and historically loaded, creates an appropriate object – social reality, and in particular, the reality of consciousness, that implies an attitude to the individual. It is important to note that when creating his image of modernist historiography, V. Wrzyosek builds on the concept of the history of F. Braudel and extends his anti-individualistic principles to the entire "new history", while it is hardly justifiable pushing the "person" to the scientific periphery – the main achievement of the Annals school. It is concluded that in this interpretation modernist history, most likely, cannot be called non-classical.

***Key words*:** V. Vzhosek, historiographical metaphor, anthropomorphization, individual subject of the action, event historiography, non-classical science, modern historiography, F. Brodel, historical anthropology, non-individual in history, consciousness.

*Автор*: **Исаев, Дмитрий Петрович** – к.и.н., доцент института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.

*Author*: **Isaev, Dmitry Petrovich** – PhD, Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don.

**E-mail:** disaew@mail.ru

ORCID: 0000–0002–3858–6110